

ПРЕДИСЛОВИЕ

При раскрытии и обсуждении темы, которая поставлена в заглавие книги, нужно заметить, что речь не идет о широко распространенной сегодня практике демонстрации текста вместо картины (хотя как частный случай проблемы это вполне возможно), а также не о картине, сюжет которой основан на том или ином литературном произведении, хотя и этот случай участвует в предмете разговора.

Речь идет о более глубоком, определяющем значении текста для любого визуального изображения, где за различными видами и формами участия текста в пластических произведениях – подписями, отдельными словами, буквами и т.д., а также за любым произведением, формально лишенным этих элементов и принадлежащим к «чистой» пластике вплоть до абстрактных своих форм, стоит нарратив, который существует и «работает» на всех уровнях как при создании этих работ, так и при их «понимании».

Этот нарратив не отменяет «визуальность», наоборот, двигаясь и существуя параллельно с ней, сообщает ей ту глубину и ясность, которой, как правило, в ней чаще всего не хватает. Но, прежде всего, нужно внести ясность в самом употреблении слов «текст» и «нarrатив» в том случае, когда они поставлены рядом со словами «визуальность», «изобразительность».

Речь в данном случае идет не столько о четко произносимом слове или даже записанном тексте, а о своего рода активном речевом высказывании, которое может быть артикулировано при создании и восприятии произведения. Подобная внутренняя «речь» сопровождает любое художественное «действие», часто оставаясь скрытым для самого произносящего, но может выступать для него во всей текстовой определенности, как сопровождающий комментарий во

все время работы. И тот же текст, который был четко сформулирован в самом «начале», может быть хорошо «услышан» в уже готовом произведении.

Это особенно заметно на произведениях искусства, которые сделаны уже давно, стали предметом истории. «Пиктографичны» не только дошедшие до нас египетские тексты, но и произведения более поздних эпох. Знаки и формы, которыми пользовались эти художники, отчетливо складываются во фразы, мы легко читаем этот изобразительный текст.

Не исключено, что это утверждение – речь снова идет о заглавии книги – имеет в своей основе причину не столько теоретического, сколько психологического характера, связанную с моим личным опытом. Это свойство – связывать любое визуальное восприятие с внутри произносимым текстом – было у меня всегда, всегда рядом с рассмотрением любой вещи в жизни и в искусстве возникал внутри меня четко произносимый монолог. Без этого сформулированного в сознании текста, или комментария, созерцание для меня было неполным, переживание недостаточно сильным. И это не означало, что слова «перекрывали» для меня то, что стояло передо мной, что «видение» заменялось словами. Нет, оно продолжало оставаться острым и напряженным, и чем более оно было концентрированным, тем более естественно и неизбежно оно порождало, вело за собой текст.

Об этом своем опыте, который может показаться крайне индивидуальным, а, возможно, имеет широкое распространение, я и попытаюсь рассказать в этой книге.

Весь материал расположен по разделам, где роль текста будет последовательно рассмотрена в различных жанрах: рисунках, альбомах, картинах и, наконец, в инсталляциях.